

ИВАН

КАРПЕНКОВ

**БУДНИ
ФРОНТОВОГО
АВТОБУСА**

МОСКВА

ЗА ЛЕНТОЧКОЙ ★ ИСТОРИИ УЧАСТНИКОВ СВО

ИВАН

КАРПЕНКОВ

**БУДНИ
ФРОНТОВОГО
АВТОБУСА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

В оформлении обложки использована
работа художника *М. О. Анаева* «Работает Авиация», 2024 г.
(Студия военных художников имени М. Б. Грекова
Министерства обороны Российской Федерации).

Карпенков, Иван Вадимович.
К26 Будни фронтового автобуса / Иван Карпенков. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (За ленточкой. Истории о Специальной Военной Операции, написанные ее участниками).

ISBN 978-5-04-219120-6

Специальная военная операция идет полным ходом. Российские подразделения уверенно освобождают свою территорию от новоявленных бандеровцев. Но противник упорно цепляется за каждый населенный пункт, за каждую улицу, за каждое строение...

И вот — новый рубеж. Со стороны этот дом выглядит наполовину разрушенным, с выбитыми окнами и проломленной крышей, и потому кажется неживым. Но это не так. Внутри засел вооруженный до зубов враг, которого нужно выбить во что бы то ни стало.

Группой штурмовиков командует боец с позывным Джамбо. Его подчиненные — люди разных возрастов, национальностей и жизненного опыта, на их счету уже десятки взятых рубежей и «зачищенных» укреплений противника. Звучит команда «На штурм!», и вот уже слаженные «двойки» под прикрытием пулемета у самых стен...

То, что случилось в том бою, он будет помнить всю оставшуюся жизнь, перевернувшуюся в его глазах за одно бесконечное мгновение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-219120-6
© Карпенков И.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

АВТОБУС

По разбитой, изрытой воронками старых и недавних «прилетов» дороге сквозь снег и вьюгу, жару и зной, под палящим солнцем и кромешно-черной ночью неторопливо ползет уставший пазик. Болотно-зеленого цвета, с желтой светоотражающей полосой по всему борту, кому-то он может показаться старой развалюхой. Но нет. Это вовсе не так. На самом деле этому автобусу едва исполнился год с того момента, как он, новенький и блестящий, бодро сошел с конвейера своего родного завода.

Но тяжелая во всех смыслах жизнь оставила неизгладимые раны на каждом из агрегатов железного коня, включая саму его механическую душу.

От рождения он не мог похвастаться ни своей комплектацией, ни перспективами долгой, счастливой и беззаботной жизни. Все в его салоне от самого начала было произведено не просто в формате «эконом», а скорее «суперэконом». Его кондово сваренные из железных труб

АВТОБУС

сиденья обтянуты самым дешевым дерматином, а обшивка салона и вовсе незатейливо сделана из строительной ДВП, которая уже через месяц была необратимо испачкана запекшейся кровью вперемешку с глубоко въевшейся грязью.

Только не подумайте, что водители данного агрегата не ухаживали за ним. Напротив, всякую свободную минуту, в жару и на морозе, они, грязно ругаясь по матери, что-то делали в его механизмах, каждый раз возвращая их к жизни. На вопросы эстетики времени оставалось совсем мало. Но после каждого рейса салон мыли. Сначала ведрами воды и тряпками, потом, поняв полную бесперспективность этого занятия, стали просто смывать кровь, смешанную с черноземом, из поливочного шланга.

Дело в том, что основной задачей автобуса была доставка раненых, которых не считали особо тяжелыми, с линии боестолкновения до эвакуационно-распределительного госпиталя. Требования и нормы перевозки личного состава тут давно забыты. А потому в салон забивается столько народу, сколько только можно туда запихнуть. Плюс еще немного. Пустым автобус крайний раз ехал разве что только, когда его перегоняли с завода к месту службы. На этом вся его лафа закончилась. Да и отдыхать между рейсами долго не приходилось. Ну что тут скажешь — служба. Она и трудна, и почетна, а глав-

ное — точно очень нужна и незаменима. Это автобус своими железными мозгами понимал четко. А потому из последних своих лошадиных сил преодолевал все трудности и лишения воинской службы ровно так, как завещал ему Дисциплинарный устав Вооруженных сил.

Пассажиры в подавляющем большинстве своем в начале погрузки в автобус бывают слегка растерянные и молчаливы. Однако впоследствии осознание того, что каждый километр пройденного пути удаляет их от ЛБС и приближает к мирным, живущим «на всю катушку» городам, несколько поднимает настроение. Нет-нет да кто-то и заведет разговор. В ход идут позывные и наименования частей. Непременно находятся общие знакомые и друзья. И вот уже через какой-нибудь час-другой в салоне автобуса царит совершенно иная — дружеская обстановка.

Раненые потяжелее ровно стонут в такт раскачивающемуся кузову, скрежещут зубами от боли. А те, что полегче, с пониманием своей причастности дают им пить из своих припасенных в дорогу пластиковых бутылок. Ничем другим помочь они не могут. А чувство необходимого соучастия почему-то в этот момент просыпается практически у каждого.

Всякий раз среди легкораненых находились те, кто по ходу движения из состояния легкого коматоза периодически заваливался в полно-

АВТОБУС

стью бессознательное состояние. Сопровождавший бойцов фельдшер, как контролер на гражданском рейсе, не торопился поднимать панику и предпринимать какие-либо реанимационные действия. Во-первых, он уже столько раз проделал этот маршрут, сопровождая подобный контингент, что уже привык и давно не реагировал на то, что в мирной жизни у многих вызвало бы шок и панику. Ну, а во-вторых, а что, собственно говоря, он мог сделать? Это вам не госпиталь и даже не полковой медицинский пункт. Да и он не особо-то фельдшер. Ну уж, по крайней мере, не врач, это точно. Врачи в этих местах на вес золота, да и грамотные фельдшера тоже. А потому его обязанности по сопровождению легкораненых свелись к оформлению соответствующих документов и контролю доставки личного состава согласно списку. Ничего более героического или профессионального от него тут никто не требовал, да и не ждал. Ну и почетное наименование «фельдшер» — это точно не уровень знаний и профессиональных компетенций, и, скорее всего, даже не должность. Это, вероятно, штатное наименование единицы комплектации эвакуационного автобуса. Как домкрат, огнетушитель и аптечка.

За все время на этом месте побывали и выпускник ветеринарного колледжа, работавший на гражданке зоотехником, и рыжий волонтер,

сразу после школы прошедший двухнедельные курсы тактической медицины где-то в Питере, после чего срочно решивший непременно испытать себя и применить свежеполученные знания на практике. Пару раз, конечно, попадались и парни, реально окончившие средние профессиональные учреждения с медицинским уклоном. Но они были тут, скорее, исключением из правил. Потому как тех, кто реально что-то мог по медицинской части, быстро разобрали себе госпиталя и хозяйственные отцы-командиры.

Однако в любом случае фронт на фельдшерском месте в автобусе прикрывал тот, кто хоть какое-то отношение к медицине имел. Ну или, по крайней мере, так думал. В любом случае начальство этому не противилось.

Фельдшеров категорически не хватает. А потому, как говорил один из персонажей культового российского фильма про армию: «Нет преград для патриотов!» И если начальство сказал, что ты — фельдшер, значит, ты — фельдшер. А если ты фельдшер, то изволь принять это достойно. И, как говорится, хочешь не хочешь, а соответствуй...

Вероятно, именно с такой мотивационной позицией на сборном пункте в фельдшера записывали всех, кто особо этому не противился. Возможное отсутствие необходимой компетенции у вновь прибывающих «фельдшеров» в мо-

ральном плане военные комиссары прикрывали для себя убеждением, что, мол, все равно все бойцы перед отправкой на СВО пройдут необходимую подготовку в военных учебных центрах. В том числе и по профессиональным направлениям. А там тех, кого надо, подтянут, освежат в памяти забытые знания и добавят новых. Ну а тех, кто окажется неспособным, отправят в пехоту.

На полигонах в учебных ротах, напротив, целиком и полностью были уверены в военкомках, отобравших из тысяч запасников именно этих, вероятно, самых достойных и профессиональных специалистов. В результате система делала свое дело, по итогу выдавая фронту именно тот контингент личного состава, который в конце концов четко и надежно, как автомат Калашникова, невзирая ни на что, умело и качественно нес свою службу, справляясь со всеми трудностями и неурядицами. В общем, тяжелая работа кует серьезных работников.

Конечно, отдельные «элементы» какое-то время пытаются сопротивляться системе, противопоставляя ей свой взгляд на жизнь и на службу. Именно таким поначалу был питерский Рыжий — выпускник курсов тактической медицины. Казалось, нет такого направления в здравоохранении, в котором он не имел бы своего мнения. Причем, как ему казалось, непременно

единственно верного и обоснованного, которое он регулярно порывался испытать и реализовать на практике, пытаясь спасти и реанимировать всякого, кому, с его точки зрения, была необходима его экстренная помощь.

Но для того система и существует, чтобы медленно и монотонно шлифовать разнородную субстанцию до состояния однообразной, четко предсказуемой и эффективно работающей массы. В данном случае «шлифовальным инструментом» системы стали несколько бойцов, которые жестко «приземлили» Рыжего парамедика (так, на модный иностранный манер, по началу прибытия на СВО он представлялся при знакомстве) в тот момент, когда он старался «по науке» оказать первую доврачебную...

Итоговую огранку произвел здоровенный дедина-десантник, который имел неосторожность прямо на глазах парамедика временно потерять сознание от травматической контузии, полученной от прилетевшего по бронезилету осколка.

Наш парамедик посчитал, что, согласно какому-то пункту наставления по тактической медицине, ему необходимо срочно снять с потерпевшего бронезилет и произвести экстренную СЛР¹. Однако пострадавший боец ВДВ, видимо, не читал подобного наставления. А если и чи-

¹ СЛР (*мед.*) — сердечно-легочная реанимация.

тал, то не запомнил. Должно быть, поэтому, периодически приходя в сознание, он решил, что неизвестно откуда появившийся рыжий малолетка, пытающийся сорвать с него его невероятно модный и дорогуший бронежилет и при этом зачем-то ломающий ему грудную клетку, — не кто иной, как мародер. И хотя после травмы силы и сознание начали оставлять бойца крылатой пехоты, изначальные физические данные и подготовка явно были не в пользу Рыжего. А после того как, по мнению десантника, мародер еще и полез к нему целоваться, у бойца открылось второе дыхание. И оставляющие его силы, подхваченные справедливым гневом и яростью, вызванной патологическим неприятием толерантных западных ценностей, невесть откуда вернулись к нему вместе с помутненным сознанием. Отработанные до автоматизма, действующие на подсознательном уровне, движения гвардейца сделали свое дело... В общем, недели через две Рыжий уже вполне мог перемещаться самостоятельно.

Увидев это «чудо исцеления», командир попросил горе-лекаря после завтрака зайти к нему. Там, в палатке, без всякой злобы и особых нравоучений, «парамедику» было разъяснено, что его невероятные «заслуги» на фронте были учтены командованием и он переводится на повышение фельдшером эвакуационного ав-

тобуса. Да, начальству виднее, именно поэтому оно и поступает всегда мудро и справедливо.

На сопровождении эвакуированных Рыжий, похоже, несколько растерял свой «парамедицинский» запал, подзабыл некоторые пункты наставления по тактической медицине и вовсе перестал представляться «парамедиком».

Но зато в любое время суток, порою в полной темноте, он научился четко и абсолютно точно считать по головам раненых, наваленных штабелями в проходах, на сиденьях и под ними, без ошибок, быстро и в нужном месте заполнять сопроводительные бумаги и, не глядя, вслепую, расписываться в двадцати местах, размещая при этом документы на любой поверхности.

По бортам, на капоте и на крыше автобуса, помимо тактических знаков быстрого распознавания, которые постоянно менялись то с буквы «Z» на «Черепяху», то снова на «Z», но уже в ромбике, красовался «оберег» в виде белого круга с красным крестом. Почему-то на заводе, в малярном цеху, все были уверены, что эти магические символы уберегут их детище от напастей и невзгод. Что касается невзгод, сказать сложно. Но точно одно: за время своей короткой службы железный Анти-Харон неоднократно подвергался обстрелу «с той стороны» и атакам дронов неприятеля. И только мастерство его водителей, да, возможно, какой-либо специальный авто-

АВТОБУС

бусный ангел-хранитель каждый раз берегли его и его пассажиров от прямого попадания. Правда, его борта имели неброские, но четко просматривающиеся входные отверстия и отметины от осколков. Да и стекла в нем уже были поменяны по кругу не один раз.

С водителями, а их было двое, автобусу повезло гораздо больше, нежели многим его сослуживцам. Первым был молодой деревенский парень из-под Рязани. И хотя в миру его звали Даней, он незатейливо решил взять себе гордый позывной «Рязань». А что? Он гордился своим краем, а Рязань считал самым красивым и цивилизованным городом в мире, в который, безусловно, мечтали и стремились сбежать все жители его родного поселка. Да и, к слову сказать, ни в каком другом месте Даня до армии-то и не был вовсе. Ну и на самом деле едва ли кто сможет утверждать, что Рязань не красивый и не привлекательный город.

А еще в Рязани располагается лучшее и единственное в России и, пожалуй, что и в мире училище Воздушно-десантных войск. И редкий мальчишка нашей страны не прошел в своей жизни этапа мечтаний о поступлении в эту кузницу голубых беретов.

Даня тоже не избежал такой участи. Правда, многими «мудрыми» взрослыми, которые наперебой рассказывали ему о тяжести, глупо-